

Любовный эпистолярный Моек права - 1994. - 2 марта. - с. 4. Седьмое небо как небо печали

Открытое письмо нежданному
прозаику, певице Натали Ветлицкой

Наташа, милая, я не понимаю: сначала ты взялась петь об этом, теперь отважилась это описать - как среди августовского бела дня начинает стремглав смеркаться; как важно заходить в галерею и проторчать часа два перед каким-нибудь шедевром и смирить гордыню, и аккумуляторы подзарядить; как может одна улыбка перевернуть то, что до нее ты прежде по наиву своему именвал жизнью; как прелестно грезить о канареечном «бьюике»... Наташа, наши с тобой отношения, слава Богу, лишены «духовности»: так, встречаемся и радуемся, поэтому я тебе и скажу начистоту: зачем тебе этот груз, это писательство? Тебе других поводов на небо, по которому разбросаны, как вещи холостяка, тучи, глядеть недостает? Может, в том, что в голосе твоём давно нет беспечальности, повинна рефлексия на базе ночных писаний?

Я видел, я сподобился видеть твои наброски. Проза затейлива, особенно твой любимый жанр - басня, но я хочу знать: откуда этот стилистический винегрет, выдающий твою subtilность, твой смех, твой надрывный плач, твоё принципиальное «не хочу и не буду!» (иногда без повода)?

Одна почтенная поэтесса скоробно спрашивает себя и нас: «Где стихи про любовь? Все рифмую воину и вину», а ты, между прочим, живешь в той же стране, которую надо слишком сильно любить, чтобы простить ей раннюю неврастечность и мощную мигрень, и пишешь себе, напирая на заоблачные метафоры.

Ну да, ясно, у тебя было счастливое детство. С тихими семейными вечерами, с пластинками про любовь, со скакалкой, молоком и ласками мамы - отсюда эти этюды, эти эссе, в которых немислимо наметить демаркационную границу промеж тоски от невозвратности счастливых минут и воли-жить. Смеясь в лицо плохой погоде и незадачливости.

Как определить твою любимую тему? Запах осени на побережье? Дух угасания? Хочется и представить про-

заика Ветлицкую, и красиво определить то, что вскоре прочтут все.

Наташа, хорошо, что ты не скрываешь (в том числе в своих песнях), что ты пропасть и буря вечная сестра. Хорошо, что даже по первым пяти страницам видно: ты равно дорожишь светом смирения и ветром тщеславия. По крайности честно.

Когда написанное издадут (а издательские права заполучить желают многие, так?) - не забудь: я первый сказал, что у тебя получится. А что? Претензии нет, есть объяснение на заданный вопрос: что ж ты брови наморщила, напечалила лоб?

У-у, как тебе, Наташа, во всем хочется красоты. Сначала я думал, что ты так важности нагоняешь, и ждал предела, который есть у всего. Но с каждым разом убеждался: нет, это желание исполненное. Хотя и роится в организме тонком, ранимом, лабильном.

Странно, что эти же слова подходят для характеристики твоих письменных экзерсисов. То есть не странно, а - символично. Письмо то густое, то пыльное, то кричащее, то игривое, но где речь заходит о том, как «среди ночи я хвачусь старой дружбы», не до анализа. Удивляясь мимолетно союзничеству, ощущаешь влагу в глазах, а если кто подсмотрит (меня подсмотрели), сбивчиво начинаешь: «Это что-то в глаз попал...»

Отар КУШАНАШВИЛИ.